

УДК 94(510)08+303

КУРАС Леонид Владимирович, д.и.н., профессор; главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, ул. Сахьяновой, 6; kuraslv@yandex.ru)

МОНГОЛЬСКИЙ МИР В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

Аннотация. В статье рассматривается эволюция революционного процесса в начале XX в. в Забайкалье, Внутренней и Внешней Монголии. Автор изучает влияние на этот процесс Синьхайской революции, в результате которой в Китае пала маньчжурская династия Цин и возникло новое монгольское государство – феодально-теократическая монархия, которое посредством идеологии панмонголизма влияло на весь монгольский мир. В свою очередь это привело к созданию Бурят-Монгольской автономии, а затем Монгольской Народной Республики.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Китай, Маньчжурия, династия Цин, Синьхайская революция, панмонголизм, монгольский мир, революционный процесс, теократия, монгольская государственность

Современная российско-монгольская историография предпринимает первые попытки рассмотрения революционного процесса в Западном Забайкалье, Внутренней и Внешней Монголии в первой четверти XX в. в рамках всего монгольского мира [Пунсалдулам, Хишигт 2007; Курас 2015а; Курас 2015б]. Однако идея панмонголизма, ставшая важнейшей проблемой историографии как идеология революционного процесса, еще требует особого изучения в современных условиях [Базаров 2002]. Именно это позволяет предпринять позитивную попытку рассмотреть революционный процесс в рамках монгольского мира в целом как реализацию идеи панмонголизма.

Панмонголизм

Панмонголизм – социокультурный феномен, стремление к духовному единению монголоязычных народов на основе общности истории, языка, фольклора, культурных традиций. Само понятие появилось в 1900 г. в работе основателя русского символизма В. Соловьева «Повесть об антихристе», где панмонголизму была придана негативная политическая оценка как «угрозе европейской цивилизации с Востока». В России этому способствовало поражение в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

После российской революции 1905–1907 гг. панмонголизм стал восприниматься как стремление к национальному и духовному объединению монголов и получил позитивную оценку в политических кругах России в связи с планами продвижения на Восток, особенно в Тибет. Панмонголизм на этом этапе – это поиск объединяющего начала на основе общности языка. Этот процесс Ц. Жамцарано назвал «культурным панмонголизмом».

Новый этап эволюции панмонголизма связан с победой Синьхайской революции 1911–1913 гг. и возникновением монгольской государственности.

Затем панмонголизм возродился в период социальных потрясений в России в 1917–1922 гг. Эту идею эксплуатировали атаман Г.М. Семенов (попытка создания Великого Монгольского государства); барон Р.Ф. Унгерн (восприятие ламаизма и теократии богдо-гэгэна как эталона современной цивилизации); японский генеральный штаб (укрепление собственных позиций в Центральной Азии); лидеры Бурнацкома – Бурнардумы (стремление создания автономии на мононациональной основе); руководство партии большевиков и лидеры Коминтерна (перевод вектора мировой революции на Восток и создание плацдарма коммунизма в Монголии).

Национальное движение бурят в начале XX в.

Ранее нами рассматривался вопрос, связанный с возникновением национального и аграрного движения автохтонного населения Байкальской Сибири в начале XX в. и формированием общественно-политической мысли, выразителем которой стали политические группировки бурят [Курас 2011а, Курас 2011б]. Национальное движение в Бурятии возникло в начале XX в. под воздействием разрушения патриархально-феодальной замкнутости и развивающихся капиталистических отношений, усиления эксплуатации как со стороны русской буржуазии, так и «инородческой» полуфеодальной верхушки, растущего национального самосознания и отсутствия права на самоопределение. Национальное движение было направлено против земельно-административной реформы и имело форму аграрного движения.

Революция 1905 г. внесла изменения в жизнь народов Сибири. Она способствовала подъему национального самосознания бурят, что объединило родовую аристократию, буддийское духовенство и бурятскую интеллигенцию. Это привело к возникновению нового этапа в национальном движении. В ходе проведения общепурятских съездов в 1905–1906 гг. сформировались две группы как «зачатки политических организаций». Первая – «стародумцы» во главе с бывшим тайшой Хоринского ведомства Вамбоцыреновым – стояла за возвращение к национальному самоуправлению по Уставу Сперанского, видя в нем основу «автономности», солидарности и защиту от денационализации. Вторая группа называла себя «партией прогрессивных бурят». Организаторами ее были и.о. профессора Восточного института Г. Цыбиков, депутат II Государственной думы Б. Очиров, врач Б. Ямпиров. Они выступали за национальное самоуправление по типу земства на демократических началах.

Кроме того, появилось «левое» крыло национального движения. Его представителями были «западники» и «крайние народники». Программа западников была ассимиляторской и исходила из неизбежности экономической эволюции, которая упразднит все старые экономические и социальные устои бурятской жизни и вместе с ними – все индивидуально-национальные черты бурятского народа. Крайние народники представляли собой полную противоположность западникам. Их программа-минимум – это широкое самоуправление, сохранение и развитие существующего аграрного строя, национализация школы, установление общей монгольской письменности. В национально-культурном отношении их идеалом было возрождение на почве европейского просвещения бурятской народности, которая должна была стать авангардом общенационального и общемонгольского объединения [Елаев 2000: 115]. Речь фактически шла о панмонголизме. Особый интерес бурятские народники проявляли к религии, они видели в буддизме не только элемент национальной культуры, но и фактор национального объединения. А. Ц. Жамцарано, Б. Барадин и Агван Доржиев видели в буддизме и основы социализма.

Внутренняя Монголия в начале XX в.

Империя монголов времен Чингисхана распространила свое влияние на всю Среднюю и Восточную Азию и стала определяющим фактором в жизни всего региона в XIII в., а потомки Чингисхана перенесли влияние империи и на Китай. Но включение Китая в состав Монгольской империи в период династии Юань (1271–1368) не привело к стиранию границ между бывшими китайскими и монгольскими территориями. Это позволило монголам и после падения династии сохранить свою самостоятельность, а территории империи остались независимыми от китайского влияния.

С приходом к власти династии Мин (1368–1644) изменилась внутренняя и внешняя политика Китая [История Китая 2007: 257–258]: произошло улучшение отношений китайцев с монголами; укрепились приграничные китайские территории; формировалась позитивная историческая память как у китайцев, так и у монголов [Покотилов 1893: 167–168]. Умиротворению «северного соседа» способствовали также предоставление администрацией династии Мин титулов южно-

монгольским князьям, разрешение им посещать меновые рынки, скупка лошадей по завышенной цене, а также распространение буддизма в Южной Монголии. Это положило начало особым политическим отношениям, при которых монголы стали поддерживать китайские династические режимы, в те в свою очередь официально заручились военной и политической поддержкой со стороны южных монголов.

Из-за междоусобных войн в XVI в. произошло объединение восточных ойратских аймаков и Северной Монголии, что привело к образованию Халхи (Внешняя Монголия), а затем халхасцы объединили Восточную и Южную Монголию. В 20–40-х гг. XVII в. Китай был завоеван маньчжурами, политика которых и разобщенность князей Южной Монголии привели к тому, что эти княжества были включены в состав Маньчжурского государства. В 1691 г. в состав Китая была включена и Халха. После включения Южной Монголии в состав империи Цин региону было дано название Внутренней Монголии. Эта территория включала 25 аймаков от границ Маньчжурии к западу до Аньсичжоу (регион, граничащий с Синьцзяном), от Китайской стены до Гоби и Амура [Бичурин 1828: 130]. Культурные, экономические и политические связи Внутренней Монголии были прочно включены в структуру административного аппарата Китая, а ее территория имела статус провинции, в то время как Халха находилась в вассальных отношениях с Китаем. Поэтому Халха обладала более широкими политическими свободами, чем Внутренняя Монголия. На протяжении всего XIX в. происходило увеличение различий между Внутренней и Внешней Монголией [Пржевальский 1948: 337].

К началу XX в. Китайская империя имела множество проблем, связанных с нарастающей мощью Японии и потерей части территории после японо-китайской войны. Тогда же администрация династии Цин провела административно-территориальные изменения во Внутренней Монголии, которые положили начало нарушению территориальной целостности региона [Автономный район... 1980]. Но дальнейшему территориальному реформированию Внутренней Монголии помешала Синьхайская революция.

Если усиление политической независимости Внешней Монголии начиная с середины XIX в. было обусловлено вхождением ее в сферу национальных интересов Российской империи, то Внутренняя Монголия к 1905 г., особенно ее восточная часть, стала сферой интересов Японии, которая распространяла свое влияние на Маньчжурию и Ляодунский полуостров. И когда Внешняя Монголия в результате Синьхайской революции преобразовалась в независимую монархию, то Внутренняя Монголия в соответствии с русско-японским соглашением от 8 июля 1912 г. была поделена на сферы влияния: западная часть отошла Российской империи, восточная – Японии. Действия национально-патриотического движения не были там столь же успешными, как во Внешней Монголии. Это было обусловлено рядом причин:

1) Внутренняя Монголия не представляла собой единое целое ни в хозяйственном, ни в политико-административном отношении [Богословский, Москалев 1984: 26];

2) на территории Внутренней Монголии продолжали службу китайские военные командиры, которые подавляли любые проявления недовольства и поддерживали ханьское население;

3) во Внутренней Монголии в городах торговля сменила кочевой образ жизни и стала основой социальных отношений;

4) южномонгольские князья были включены в систему коррупционных отношений с администрацией династии Цин, что позволило Китаю манипулировать политически зависимыми элитами Внутренней Монголии;

5) Внутренняя Монголия «защищала» Халху от китайской колонизации.

Все это сформировало во Внутренней Монголии особый тип общественно-политических отношений, при которых политическое влияние Пекина было сильным, а китайское земледелие стало доминировать над кочевым образом жизни монгольских народов и оказывать на него влияние.

Внешняя Монголия в начале XX в.

В начале XX в. Китай усилил колонизацию Внешней Монголии. В Халхе начались административные преобразования для введения прямого китайского правления, общекитайского законодательства и ликвидации самостоятельности монгольских ханов, князей и лам. В Халху вводятся китайские войска, планируется строительство железных дорог, что грозило окончательным поглощением Внешней Монголии Китаем и ассимиляцией монголов. Пытаясь создать национальное государство, монгольские феодалы поднимают народ на сопротивление и обращаются за помощью к России.

15 августа 1911 г. в Петербург прибыла монгольская делегация во главе с одним из лидеров национально-освободительного движения в Халхе Ханда-Доржи. Делегация была принята и.о. управляющего МИДом России А.А. Нератовым и премьер-министром А.П. Столыпиным. В послании Николаю II халхаский первосвященник Джебцун-Дамба-хутухта и князь всех четырех аймаков писали о злоупотреблениях китайских чиновников, которые под предлогом реформ заселяли Монголию, и просили помощи и покровительства русского царя.

Синьхайская буржуазная революция в Китае и свержение власти маньчжурской династии Цин послужили толчком к подъему национально-освободительного движения в Монголии. Очевидец событий российский монголовед А.В. Бурдуков писал, что «начавшееся поглощение Китаем Монголии и угроза неизбежной ассимиляции разбудили у монголов чувство национального самосохранения» [Бурдуков 1969: 67]. Опираясь на помощь и покровительство России, феодалы Халхи 1 декабря 1911 г. приняли в Урге Декларацию о восстановлении независимости Монголии от Китая. 16 декабря главой нового теократического государства – ханом Монголии был избран богдо-гэгэн Джебцун-Дамба-хутухта.

Правительство Китая не признало суверенитет Монголии, но не решилось на отправку войск в Ургу. Более того, и Китай, и новое правительство Монголии обратились к России за посредничеством. В результате длительных переговоров в треугольнике Россия – Монголия – Китай и заключения ряда договоров (русско-монгольское соглашение 1912 г., русско-китайская декларация 1913 г., тройственное Кяхтинское соглашение 1915 г.) Халха получила широкую автономию, формально оставаясь в составе Китайской Республики [Белов 1999; Лузянин 2003]. Гарантом автономии являлась Россия.

Таким образом, поддержка Россией национально-освободительного движения в Монголии стала решающим фактором его победы. Позиция Петербурга была продиктована стремлением воспользоваться ослаблением Китая и создать на границе «буферное» монгольское государство с преобладающим влиянием России. В начале XX в. возникает новая идеология, которая объединила вокруг себя монгольский мир, а в последующем сформировала мировоззрение монгольского народа.

Бурнацком – Бурнардума

Революционные события 1917 г. в России стали толчком к развитию национального движения бурят. 25 апреля 1917 г. решением I Всебурятского съезда был образован Центральный национальный комитет бурят-монголов Восточной Сибири (Бурнацком) – высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти бурят в 1917–1919 гг. Его задачей была организация выборов в Учредительное собрание и подготовка бурятского населения к введению земского самоуправления. В функции комитета также входило развертывание сети национальных культурно-просветительных учреждений, издательств и органов пропаганды, создание отрядов самообороны. Бурнацком сформировал систему национальных административно-территориальных образований (аймак, хошун, сомон). Тем самым Бурнацком стал органом бурятской национальной автономии, в которую включались земли вокруг Байкала, заселенные бурятским населением. В ноябре 1918 г. Бурнацком был преобразован в Бурят-Монгольскую народную думу (Бурнардума), которая осенью 1919 г. была фактически разгромлена из-за несогласия с политикой атамана Семенова.

Даурское правительство

25 февраля 1919 г. в Чите под председательством нэйсе-гэгэна-хутухты Внутренней Монголии Ничи-Тойна Менду Баира состоялся съезд панмонголистов, на котором было принято решение об образовании независимого федеративного Великого Монгольского государства в составе Внутренней и Внешней Монголии, Барги и земель забайкальских бурят. Делегаты избрали правительство, которое получило название Даурского. Новое государство создавало регулярную армию, в которую намечалось призвать 20 тыс. чел. из Внутренней Монголии, 1 тыс. чел. из Барги и 3 тыс. чел. из Забайкалья. Атаман Семенов выделил Бурнардуме беспроцентную ссуду в размере 2 млн руб. керенками для материального обеспечения и обучения будущих призывников [Курас 2001: 53]. В работе съезда принял участие атаман Семенов, который за заслуги в деле создания панмонгольского государства получил звание гыцун-вана — «святейшего князя» и приглашение стать первым советником нового правительства. На съезде была избрана делегация для участия в Версальской мирной конференции и составлен текст декларации, в которой обосновывалась идея панмонгольского движения и необходимость образования «отдельного полноправного Монгольского государства».

В этот период панмонголистам был свойственен романтизм. Бурятские панмонголисты были убеждены, что мировое сообщество с пониманием встретит новое политическое образование. Однако послы союзных держав отказали делегации в визе на въезд во Францию, а Япония не рискнула открыто поддержать панмонголистов. Планам атамана Г.М. Семенова и лидеров Бурнардумы не суждено было сбыться.

Но основным противником образования Великой Монголии было руководство Внешней Монголии, которое предвидело реакцию ведущих держав мира и опасалось потерять собственную государственность.

Не имея возможности вмешаться в развитие панмонгольского движения, правительство А.В. Колчака послало ноты правительствам Англии, Франции и САСШ. Тем не менее при поддержке атамана Г.М. Семенова новое государство предпринимает ряд шагов, направленных на реализацию решений съезда. Начался призыв бурят и тунгусов-буддистов на военную службу. Для подготовки национальных кадров младших командиров была создана Даурская школа прапорщиков, которую окончил будущий генерал-лейтенант Маньчжоу-Го Уржин Гармаев.

Осенью 1919 г. Великое Монгольское государство, просуществовав 7 месяцев (февраль—сентябрь 1919 г.), фактически распалось.

На пороге Монгольской революции 1921 г.

Наступление Красной армии в Сибири в начале 1920 г. способствовало установлению контактов большевиков с монгольскими революционерами. Долгие переговоры; позиция Коминтерна, который сомневался в необходимости монгольской революции, изолированной от Китая; непримиримость монгольской стороны; особая позиция Э.-Д. Ринчино, в которой «в причудливой форме переплелись панмонгольские и большевистские идеи», который предложил новое видение Монголии в продвижении мировой революции; вторжение Унгерна в Монголию [История Монголии 2007: 51] — все это привело к тому, что революция в Монголии стала неизбежной.

Таким образом, Монголия вступила в XX в. как субъект международных отношений, как «специфический кочевническо-скотоводческий анклав Азии», оказавшись «на самом острие основного конфликта XX в. — раскола мира на два полюса» [История Монголии 2007: 54]. И не последнюю роль в обретении ею суверенитета и сохранении собственной идентичности сыграл панмонголизм.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии». № 14-18-00552.

Список литературы

- Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики* (под ред. Б. Ширендыба, М.И. Сладковского). 1980. М.: Наука. 158 с.
- Базаров Б.В. 2002. *Неизвестное из истории панмонголизма*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 69 с.
- Белов Е.А. 1999. *Россия и Монголия (1911–1919 гг.)*. М.: Институт востоковедения РАН. 234 с.
- Бичурин Н.Я. 1828. *Записки о Монголии*. Т. 1. СПб.
- Богословский В.А., Москалев А.А. 1984. *Национальный вопрос в Китае (1911–1949)*. М.: Наука. 266 с.
- Бурдуков А.В. 1969. *В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма*. М.: Наука. 418 с.
- Елаев А.А. 2000. *Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение*. М.: Изд-во РАГС при Президенте РФ. 352 с.
- История Китая: учебник для студентов вузов, обучающихся по историческим специальностям*. 4-е изд. (под ред. А.В. Меликсетова). 2007. М.: Оникс. 736 с.
- История Монголии. XX век*. 2007. М.: Институт востоковедения РАН. 448 с.
- Курас Л.В. 2001. Атаман Семенов и панмонгольское движение. – *Сибирь: век XX*. Вып. 3. Кемерово. С. 52–56.
- Курас Л.В. 2011а. Общественно-политическая мысль, национальное и аграрное движение бурят в начале XX века. – *Власть*. № 6. С. 149–152.
- Курас Л.В. 2011б. Подъем национального движения бурят. Политические группировки и съезды бурят 1905–1906 годов. – *Власть*. № 4. С. 140–143.
- Курас Л.В. 2015а. Монголия в 1911–1913 гг.: современная российско-монгольская историография. – *Власть*. № 4. С. 209–215.
- Курас Л.В. 2015б. Монголия после Синьхайской революции 1911–1913 годов: современная российско-монгольская историография. – *Иркутский историко-экономический ежегодник*. Иркутск: БГУЭПС. 584–594.
- Лузянин С.Г. 2003. *Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.* М.: Огни. 320 с.
- Покотилов Д.Д. 1893. *История восточных монголов в период династии Мин, 1368–1634*. СПб.
- Пржевальский Н.М. 1948. *Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки*. М.: ОГИЗ.
- Пунсалдулам Б., Хишигт Н. 2007. *1911, 1921 оны Монголын хувьсгал (Гадаадын туух бичлэгтйн тойм)*. Улаанбаатар.

KURAS Leonid Vladimirovich, Dr.Sci.(Hist.), Professor, Leading Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; kuraslv@yandex.ru)

THE MONGOLIAN WORLD IN THE CONTEXT OF THE REVOLUTIONARY PROCESS IN THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY

Abstract. The article considers the evolution of the revolutionary process in the early 20th century in Transbaikalia, Inner and Outer Mongolia. The author investigates the influence of the Xinhai Revolution on this process resulting in the demise of the Manchu Qing dynasty in China and emergence of a feudal-theocratic monarchy in Mongolia, which influenced the entire Mongolian world through the ideology of Pan-Mongolism. This led to the creation of the Buryat-Mongolian autonomy and the Mongolian People's Republic.

Keywords: Russia, Mongolia, China, Manchuria, Qing dynasty, Xinhai revolution, Pan-Mongolism, Mongolian world, revolutionary process, theocracy, Mongolian statehood